

ПУБЛИКАЦИИ И ЭССЕ

ВРЕМЯ ВАСИЛИЯ СУРИКОВА (РАЗМЫШЛЕНИЕ О ДУХОВНЫХ ВЫЗОВАХ ЭПОХИ)

Владимир Владимирович Блохин

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Российского университета дружбы народов (РУДН),
109377, г. Москва, ул. Зеленодольская 12, кв. 284,
istory1@rambler.ru

Для цитирования: Блохин В. В. Время Василия Сурикова (размышление о духовных вызовах эпохи) // Вестник церковного искусства и археологии. 2020. 3 (4). С. 000. DOI:

Аннотация

УДК

В статье рассматривается идейно-культурный контекст творчества В. И. Сурикова. Его художественная деятельность пришлась на период религиозного кризиса, который наиболее полно проявился в сознании российской интеллигенции во второй половине XIX в. В статье показано, что идейные вожди пореформенной интеллигенции (А. И. Герцен, М. Бакунин, Л. Толстой) активно формировали среду богоборчества. Творчество Василия Сурикова, напротив, изначально было наполнено глубоким христианским смыслом, питалось всей атмосферой его жизни и деятельности. Православие стало органичной чертой его жизни. В отличие от интеллигенции и её типичного взгляда на народ, Суриков глубоко и жизненно выразил стихию народной жизни. Размышляя о творчестве художника, не трудно заметить, что в его духовно-эстетической концепции проявляются три основных тематических пласта: *православие, народность, историзм.*

Ключевые слова: православие, религиозный кризис, богоборчество, народ, народничество, историзм, интеллигенция.

Василий Иванович Суриков — гений России, талантливо выразивший в своём творчестве духовную сущность русского искусства. Мера величия большого художника, как правило, определяется его способностью воплотить само время, отразить глубинные движения национального духа, способностью «пропитаться» им, одухотвориться. В этой связи разговор о контексте творчества художника позволяет определить духовно-нравственные и эстетические приоритеты художника, основы его мироощущения. Размышляя о творчестве Василия Сурикова, не трудно заметить, что в духовно-эстетической концепции художника рельефно проявляются три могучих тематических пласта: *православие, народность, историзм.*

Вера или безверие

Середина XIX в. была духовно трудным временем. Российская интеллигенция, отщепившаяся от национальной культуры и воспитанная на западных либеральных ценностях, копила в своём сознании губительный заряд богоборчества. Безусловно, истоки распространения в христианской России антихристианских и антиправославных идей имеют многообразные причины. Здесь, конечно, сказывался вековечный разлад, внесённый Петром Великим в русскую жизнь. Оторванная от корней и традиций народных, дворянская элита гналась за чужеземными идеалами. Её привлекали просветительские идеи антропоцентризма с их антихристианским пафосом. «Идеалы “Святой Руси”, по мнению русских европейцев, не отражали подлинного смысла русской истории. <...> В их культурном мире, сформированном под мощным влиянием идей европейского просвещения и секулярного гуманизма, не было место для Бога, но было место для святости. <...> Они верили во всемогущество человеческого разума, неизбежность прогресса и окончательное торжество разумной, цивилизованной деятельности. Все эти идеалы, так же как, идеал гуманной просвещённой личности, были для них поистине святыми».¹

Такой подход «людей 1840-х гг. не мог не привести к агрессивному безбожию. Не случайно так популярен был в среде разночинцев П. Ж. Прудон, «великий разрушитель», призывавший к восстанию против Бога. Особенным влиянием среди незрелых умов молодежи пользовался М. Бакунин, слывший «апостолом свободы». В своей статье «Бог и государство», нарочито переизданной массовым тиражом в 1917 г., он прославлял падшего ангела, называя его великим эмансипатором миров. «С<...>, вечный мятежник, первый свободный мыслитель и эмансипатор миров. Он заставляет человека

¹ Семина В. С., Баженова Т. П. Феномен «русского европейца» в контексте русской культуры XVIII — с. IX в. // Аналитика культурологии. 2016. № 1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/analitika-kulturologii>.

устыдиться своего животного невежества и своей покорности; он эмансипирует человека, побуждая его послушаться и вкусить плода познания»².

В своих воспоминаниях, композитор Рихард Вагнер приводит показательный пример из диалога с Бакуниным, который просил композитора «обрисовать Иисуса человеком слабым». «Что касается музыки, он, — вспоминал Вагнер, — советовал при композиции варьировать лишь один текст: пусть тенор поет: “обезглавьте Его!”, сопрано: “повесьте Его!”, а неумолкаемо гудящий бас: “сожгите, сожгите Его!”». В то же время бакунизм волей-неволей отражал довольно устойчивую тенденцию правящего класса в борьбе против церковной жизни и христианства.

Богоборчество в России проявилось в различных адогматических религиозных системах, в каком-то навязчивом стремлении поиска «нового религиозного сознания». Так, Л. Н. Толстой, уверовав в свой проповеднический дар «нового Лютера», именовал иконы идолами, отрицал таинства и божественную природу Христа.

Показателен был диагноз «общественному состоянию», вынесенный митрополитом Антонием (Храповицким). В «Слове на кончину Государя Императора Александра III» он констатировал: «Духовное разложение и разврат укоренялись в обществе и в народе всё глубже, за светильниками мы не следовали»³. В другом своём сочинении Антоний так характеризовал предвоенное десятилетие: «люди извратились, изолгались», стало всё продажно, начиная с убеждений, «пало просвещение и наука, сделавшаяся предметом эксплуатации», и «школа, обратившаяся в фабрику дипломов»⁴.

Бездуховность сознания дворянской элиты, опустошение души, проникавшее в сознание части народа, — всё это было характерной чертой времени. Волей-неволей человек становился перед духовным выбором. Эта

² Бакунин М. А. Бог и государство. М., 1917. С. 8.

³ Антоний (Храповицкий), митр. Сила Православия. М., 2012. С. 251–252.

⁴ Там же. С. 226–227.

ситуация духовного кризиса как-то особенно ёмко оттеняет нам православную сущность русского художественного гения.

Как всякий русский человек, Василий Суриков не отделим от православной веры, она была для него естественной средой жизни и чувствований. Общение с Богом было для него повседневной реальностью. С теплотой художник вспоминал время детства, согретого верой. Вспоминаются «и масленичные гулянья, и христовславцы. У меня с тех пор прямо культ предков остался. Брат до сих пор поминовение обо всех умерших подает. В Прощеное воскресенье мы приходили у матери прощение на коленях просить. На Рождестве христовславцы приходили. Иконы льняным маслом натирали, а ризы серебряные — мелом. Мама моя чудно пирожки делала. Посты соблюдали»⁵.

Видимо, не случайно обаяние сибирской жизни и эпическая сила казацких характеров соединились в тяготении Сурикова к красоте. Среди первых опытов художества стала икона. «Стал я писать “Богородичные праздники”. Как написал, понесли её в церковь святить. У меня в тот день сильно зубы болели. Но я всё-таки побежал смотреть. Несут её на руках. Она такая большая. А народ на неё крестится: ведь икона и освященная. И под икону ныряют, как под чудотворную. А когда её святили, священник, отец Василий, спросил: “Это кто же писал?” Я тут не выдержал: “Я”, — говорю. “Ну, так впредь икон никогда не пиши”»⁶.

Первый опыт иконописи, был, видимо, не совсем удачным, но к религиозной теме Василий Суриков обращался уже неоднократно. И совсем не случайной оказалась встреча золотопромышленника и купца П. И. Кузнецова с юношей в церкви. «Пошёл я в собор, — ничего ведь я и не знал, что Кузнецов обо мне знает, — он ко мне в церкви подходит и говорит: “Я твои рисунки знаю и в Петербург тебя беру”. Я к матери побежал. Говорит: “Ступай.

⁵ Волошин М. Воспоминания о художнике // В. И. Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. С. 175.

⁶ Там же. С. 179.

Я тебе не запрещаю”. Я через три дня уехал. Одиннадцатого декабря 1868 г. Морозная ночь была. Звездная. Так и помню улицу, и мать тёмной фигурой у ворот стоит. Кузнецов — золотопромышленник был. Он меня перед отправкой к себе повёл, картины показывал»⁷.

Меценат Петр Иванович Кузнецов помогал начинающему художнику стипендиями. Не получив возможности поучиться за границей, Суриков пишет для Храма Христа Спасителя. «Так мне вместо заграницы предложили работу в храме Спасителя в Москве. Я там первые четыре вселенских собора написал»⁸.

Глубоким христианским духом проникнута картина «Утро стрелецкой казни». «Слава Богу, никакого этого ужаса в ней нет. Всё была у меня мысль, чтобы зрителя не потревожить. Чтобы спокойствие во всем было. Всё боялся, не пробужу ли в зрителе неприятного чувства. Я сам-то свят, — а вот другие. <...> У меня в картине крови не изображено, и казнь ещё не начиналась. А я ведь это всё — и кровь, и казни в себе переживал. “Утро стрелецких казней” хорошо их кто-то назвал. Торжественность последних минут мне хотелось передать, а совсем не казнь. Помню, “Стрельцов” я уже кончил почти. Приезжает Илья Ефимович Репин посмотреть и говорит: “Что же это у вас ни одного казненного нет? Вы бы вот здесь хоть на виселице, на правом плане, повесили бы”»⁹. Суриков, поначалу изобразивший повешенных, стер их. Он избежал грубого натуралистического изображения, подчёркивавшего тленность человека. Свечи, которые держали в руках стрельцы, обозначали оптимистическую веру в вечную жизнь и надежду на спасение.

Глубинный христианский дух пронизывает всё творчество великого художника, возвышает его среди современников. «Картина получилась резкой, новаторской, “но зрителя не потревожить” художник старался всеми силами. И, кажется, этого он достиг. Суриков за свою жизнь написал

7 Там же. С. 180.

8 Там же. С. 182.

9 Там же. С. 183.

множество портретов, всюду он искал типы для своих картин. И всегда они исходил из одного: показать красоту лиц, как присутствие искры божественного в человеке. Для него прекрасны духом были и мятежные стрельцы, и Петр, их отправляющий на казнь. Эта особенность восприятия бытия у людей, кажется, стала редкостью», — отмечает исследовательница творчества художника Т. В. Ясникова¹⁰.

Этот исполинский дух православия, глубокая сущностная правда Христова, веющая от произведений Сурикова, зримо и гениально оттеняет художника от того ущербного и разрушительного безбожия секулярной западной интеллигенции, разлагавшей душу русского народа.

Народолюбие мнимое и подлинное

Василий Суриков жил в сложное время пробуждения национального самосознания, в котором всё рельефнее заявлял о себе *принцип народности* как основы культурного творчества. Начало и первая треть XIX в. было отмечено возросшим интересом к народу как создателю материальных и культурных ценностей. Благодаря просветительской деятельности славянофилов русское общество повернулось к изучению народной стороны культуры. В Европе национальное самосознание наиболее ярко проявлялось в Германии и Франции.

В середине XIX в. в России возникают формы социальной мысли, которые Иван Аксаков метко обозначил как «лженародность». Это направление нашло своё отражение в так называемом народничестве, идеологии демократической интеллигенции. В статьях демократических публицистов А. Герцена, Н. Чернышевского, М. Бакунина, теоретиков «активного народничества» были заявлены и обоснованы постулаты народнической доктрины. В основе этой концепции лежали идеи социализма, справедливого общества и блага народа. Будущее общество, по мнению народников, должно было состоять из коллективных форм жизни, общин.

¹⁰ Ясникова Т. В. Суриков. М., 2018. С. 115.

Средством движения к новому строю народники считали свершение народной революции. При этом большинство революционных теоретиков 1870-х гг. хорошо понимало, что без участия крестьянства невозможно свергнуть «ненавистное самодержавие» и построить идеальное общество без эксплуататоров. Стало быть, вопрос о народе становился центральной темой не только абстрактных социологических схем, яркой публицистики, но и искусства. А ответы на эти вопросы были совершенно различными.

Без сомнения, жизнь крестьянина переходного времени 1860–70-х гг. была трудной, а призыв к улучшению его социального положения был оправданным. Не секрет, что малоземелье являлось едва ли не самой главной и трудноразрешимой общественной проблемой. Бедность, незащищённость крестьян от произвола кулака или местного чиновника — всё это имело место в русской пореформенной действительности. Однако преувеличение социальных проблем, изображение крестьянской жизни как беспросветного существования, грубо искажало действительность, деформировало её, приводило к ложным и однобоким выводам.

Проблема народа рассматривалась западной интеллигенцией в контексте *демократизма*, т.е. исключительно в рамках и границах социально-политической проблематики. В этом направлении отечественной мысли сказалось влияние европейских социалистических теорий. Там, на Западе, рабочий, пролетарий, лишившийся средств к существованию, требовал политической власти и равноправия, поскольку власть и богатство в либеральных политических системах Европы принадлежали буржуазным собственникам и аристократическим кругам. Требование демократии и призывы к борьбе за неё с этой точки зрения было совершенно оправданным, но ни в какой мере не отвечало русской реальности. В России исторически не сложилась ни земельная, ни какая-либо другая аристократия. Основная масса народа была представлена миллионами крестьян, жившими плодами трудов своих. К тому же политическая культура крестьянства оставалась традиционной. Русский крестьянин не стремился к власти. Монархическая

власть в сознании крестьянина была священной, «от Бога». Но эта же «пассивность» крестьянства лишала российских социалистов возможности совершить революцию. Народ не желал идти за «учителями жизни»! Интеллигента, зачитавшего до дыр труды Прудона, Фейербаха или Маркса, пугал этот вечный, неизбывный разрыв, раскол с народным большинством, жившим христианской верой, а не абстрактными идеалами западных мудрецов. И совершенно не случайными были провалы как «хождения в народ», так подталкивания революции посредством кровавого террора. На злодейское убийство 1 марта 1881 г. Царя-освободителя Александра II, совершённое фанатиками террора при молчаливом попустительстве «прогрессивной общественности», народ ответил яростью погромов.

Что же было ложного в народничестве, почему вожаки интеллигенции вели в духовный тупик?

Без сомнения, абсолютизация страданий народа и преувеличение социальной темы создавали искажённые образы о стигматах крестьянского существования. Народу приписывались свойства, которые без сомнения проявлялись в его жизни, но не определяли его исторических качеств. В этом нарочитом смещении характеристик народной жизни и заключалась лукавая подмена. Так полуправда приводила к социальной лжи. Очень тонко подметил это ложное сострадание народу со стороны интеллигенции Иван Аксаков в заметке «О лженародности в литературе 60-х гг.»: «Когда эта публика (наши западники. — *В. Б.*) стала более и более знакомиться с теми крайними доктринами, которые на Западе действительно вполне исторически правы в своём отрицании, в своей критике социального устройства Европы, и обнажили перед миром общественные язвы Запада, сокрытые в пролетариате, пауперизме и других явлениях общественного быта, российская публика выразила расположение посочувствовать и Русскому народу, поскольку его несчастья представляли аналогию с несчастьями низших классов Европы. В литературе явились в обилии изображения Русского простонародного быта, но только с отрицательной стороны; Русского крестьянина ни видом не видать,

ни слухом не слышать во всех этих произведениях расчувствовавшейся литературы. А выставлялась на вид только внешняя печальная сторона его жизни: бедность, зависимость, притеснения <...>. Не было действительного сочувствия к Русскому простому народу, а было сочувствие страданиям низших классов вообще, навеянное с Запада <...>. Некоторые даже сердились на Русский народ за то, что он мало страдает, <...> даже безотчётно пожалели о том, что нет у нас ни пролетариев, ни пауперизма»¹¹.

Народнические теоретики, писавшие о страданиях народа, по существу, его не знали. Народ, по их убеждению, представлял сумму социологических абстракций, сумму абстрактных единиц. Это был выдуманный народ, из облика которого исключались традиции, верования, повседневный быт. Религиозные представления крестьянства представлялись просвещённому сознанию интеллигента признаком отсталости и невежества, требующего искоренения. Добавим к высказываниям Ивана Аксакова факт, случившийся в 1892 г., когда голод выкосил миллионы людей. Тогда марксисты активно агитировали против помощи голодающим крестьянам, поскольку крестьянство, с точки зрения Маркса, является реакционным классом, препятствующим революции. «Пусть вымирает враждебный класс!» — твердили борцы за демократию. Современник В. Сурикова, гений русской педагогики Константин Ушинский отмечал драматизм нараставшей проблемы. «Чувство народности, — говорит он, — так сильно в каждом, что, при гибели всего святого и благородного, оно гибнет последнее. Взяточник, подтачивающий как червь силы своей родины, сочувствует её славе и её горю. В злодее, в котором потухли все благородные человеческие чувства, может ещё доискаться любви к Отечеству: поля родины, её язык, её предания и жизнь никогда не теряют непостижимой власти над сердцем человека! И, однако, — добавим мы, — как у многих в нашем обществе эта священная вера уже почти потухла под гнётом чужой, иногда совершенно внешней и ложной образованности, — потухла настолько, что народный язык, народные

¹¹ Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М., 2016. С. 183–184.

предания и верования представляют нечто настолько грубое и пошлое, что перед переделкой и даже уничтожением их не стоит стесняться»¹². По справедливому мнению Ушинского, «каждому народу (особенно великому, — добавим мы) суждено играть в истории свою особую роль, и если он забыл эту роль, то должен удалиться со сцены: он более не нужен. Народ без народности — тело без души, которому только и остаётся подвергнуться закону разложения и уничтожиться в других телах, сохранивших свою самобытность»¹³.

Презрительное и высокомерное отношение к русскому народу породило чудовищное по масштабам насилие в начале XX в., при котором из народной жизни будет насильственно изгоняться дух традиции и верований. Абстрактное и схематичное понимание народной жизни привело российскую западную интеллигенцию к известному нам социальному эксперименту — Революции 1917 г. Русский народ был возведён на Голгофу безмерных страданий.

Семен Франк зорко разглядел духовную природу революции в России. «Русская революция становится вообще историческим явлением и, тем самым, явлением духовного порядка. <...> Русская революция в смысле отрицания — самая радикальная из всех доселе бывших: она отрицала не только определённую политическую форму правления или господство классов, или сословий, она отрицала собственность, религию, государство, даже национальность; началом её был неслыханный в истории факт — отрицание национальной самозащиты, национальное самоубийство во время войны, как бы восстание против элементарного инстинкта национального самосохранения. В её дальнейшем течении она явила не только фактическое попрание (что случается во всех революциях), но и принципиальное

¹² Модзалевский Л. Н. О Народности в воспитании по Ушинскому // Памяти К. Д. Ушинского. СПб., 1896. С. 153.

¹³ Там же. С. 154.

отвержение всех бесспорных в европейском обществе морально-правовых устоев»¹⁴.

В основе революции, безусловно, лежало разнуздание личности, снятие с неё всех религиозных запретов и ограничений, отказ от Христа. Искажение смысла народной жизни в сознании интеллигента означало подрыв оснований не только основ русского государства, но всей русской цивилизации. Не этого ли добивались весь XIX в. русские западники? Этого добиваются они и сегодня!

Творчество Василия Сурикова привлекает нас своей подлинной, органичной народностью, глубочайшей правдой единения художника и народной жизни. Народ в его изображении многоцветен, характер его выпукл, духовное наследие его богато. В нём отражается и органически соединяется воедино и вера, и разбойничья удаль, ум и чувство. Народ у Сурикова является ярким воплощением трудной и драматичной жизни, векового опыта. Выйдя из среды сибирского казачества, сам Суриков, казалось, отразил эту широкую как сибирские реки казачью удаль русского сердца. Сергей Глаголь передаёт эти ощущения, вынесенные из рассказов Василия Сурикова. «Сибирь под Енисеем, — говорил Василий Иванович, — страна полная большой и своеобразной красоты. На сотни верст — девственный бор тайги с её диким зверьем. Таинственные тропинки выются тайгою десятками верст и вдруг приводят куда-нибудь в болотную трясину или же уходят в дебри скалистых гор. Изредка попадетя несущийся с гор бурный поток, а ближе к Енисею то по одному берегу, а то и по обоим — убегающие в синюю даль богатые поемные луга с пасущимися табунами. И всё это прорезывал широкий исторический сибирский тракт с его богатыми селами и бурливой то торговой, то разбойничьей жизнью. Как это в одной сибирской былине сказано <...>.

Широко урман-тайга раскинулась

Со полуденя да на полночь,

¹⁴ Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Мосты. Мюнхен, 1967. С. 13–14.

От Китай-песков к океан-морю.
А и нет тайгой проходу-проезду,
И живет в тайге зверье лютное,
Стерегут тропы разбойнички,
Варнаки, воры клейменные <...>

В такой обстановке сибиряк стал особым человеком с богатой широкой натурой, с большим размахом во всем: и в труде, и в разгуле»¹⁵.

В психологическом облике художника видна его широкая казацкая, русская натура. Он всегда ощущал себя частью народной жизни, даже если она заключала в себе наивную грубость нравов. Россия, матушка! «В городе царили ещё старинные кулачные бои, и стенкою на стенку хаживали в большие праздники то горожане на жителей казацкой слободы, то гимназисты на семинаристов и т. п. Юный Суриков был страстным любителем этих боев и не раз даже хаживал с товарищами за атамана. Увлекался он и игрою в снежный городок, хотя, впрочем, сам участия в ней не принимал: “Подходящего коня не было”, — пояснял художник с нескрываемым сожалением в голосе. Не столько увлекали нас самые кутежи, сколько — та удаль, которая просыпалась при этом, — рассказывал Суриков. — В слободу, бывало, в одиночку и не ездил. Попади туда гимназист, когда там кутят семинаристы, или наоборот, всё равно незваному гостю грозила такая потасовка, что не всегда даже хватило бы сил её вынести»¹⁶.

Как видно из воспоминаний художника, в творчестве Сурикова соприкасаешься с подлинным народолюбием, включавшим органическое понимание народа как культурного целого. В народолюбии Сурикова нет места ни одностороннему преувеличению ложных народных страданий, ни намек на высокомерное поучение со стороны просвещённой западной наукой

¹⁵ *Глаголь С.* Воспоминания о художнике // В. И. Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. С. 210.

¹⁶ Там же. С. 211–212.

интеллекта. В этом понимании народности Суриков стоял намного выше вождей социализма и либерализма. Показателен ещё один факт. Российский интеллигент боялся народа, поскольку ощущал культурное различие с ним, с его традицией и христианством. Суриков — весь народная стихия, он погружен в народную жизнь, питающую его творческие силы.

Историзм VS антиисторизма

Подлинной духовной стихией Сурикова в его время стал *историзм*. Обращение к историческому прошлому страны — характерная черта времени. Либеральные реформы 1860-х гг., сопровождаемые широким заимствованием западного опыта, европейских институтов, распространением либеральных ценностей остро обозначили проблему исторического пути развития. Альтернатива состояла в том, что выбрать. Либеральная и социалистическая интеллигенция считала необходимостью устроить русское общество по европейскому образцу, что предполагало отказ от самой русской истории, отказ от традиции. Идеолог народнической интеллигенции Николай Михайловский язвительно провозглашал: «Русскому человеку нет надобности дорожить даже таблицей умножения», нечего сохранять. Кроме грубого «азиатства» (Н. Г. Чернышевский) и отсталости, российский радикал и либерал ничего не видел в стране». Такая логика интеллигентского сознания вполне понятна — зачем хранить наследие народа, который отягощен отсталой культурой и примитивными религиозными чувствами! Такая постановка вопроса с неприятием истории как национального опыта приводила к парадоксальному, на первый взгляд, утверждению. Михайловский заявлял, что история — наука о будущем, а не о прошлом. В этом тезисе отражался взгляд европейских просветителей XVIII в., которые в истории человечества видели только негативный опыт и формулировали идею абстрактного «завтра» с его утопической мечтой о новом образе человека «свободы, равенства и братства». Как результат, появление марксизма с его фанатичным призывом — «мы наш мы новый мир построим» «из ничего» ввергнет Россию в XX в. в

атмосферу культурного беспамятства и разрушения. Просветительская утопия XVIII в. обернётся невиданным культурным рабством и духовным насилием.

Вопрос о русской истории тогда означал лишь одно — это был вопрос о сохранении России, о преемственности живой связи поколений её строителей. Это ощущение истории зримо в творчестве Сурикова. Его историзм питается не идеями просветителей XVIII в., а живым опытом. История Сурикова — это воплощённое наследие народа! Вот как он передаёт свои ощущения от Москвы, духовного сердца России. «И как забытые сны стали всё больше и больше вставать в памяти картины того, что видел и в детстве, а затем и в юности, стали припоминаться типы, костюмы, и потянуло ко всему этому, как к чему-то родному и несказанно дорогому. Но всего больше захватил меня Кремль с его стенами и башнями. Сам не знаю, почему, но почувствовал я в них что-то удивительно мне близкое, точно давно и хорошо знакомое. <...> И вот однажды иду я по Красной площади, кругом ни души. Остановился недалеко от Лобного места, засмотрелся на очертания Василия Блаженного, и вдруг в воображении вспыхнула сцена стрелецкой казни, да так ясно, что даже сердце забилося. Почувствовал, что если напишу то, что мне представилось, то выйдет потрясающая картина»¹⁷.

Затем последовали разыскания, чтения разных материалов по стрелецкому бунту. Поражает другое. Он находил персонажи для своих этюдов из реальной жизни, воплотил образы женщин, которых знал ещё по Красноярску. По сути, история была для Сурикова живым свидетельством связи поколений, действенным опытом жизни народа. Именно эта достоверность художественных образов определяет величие Сурикова как художника.

Василий Суриков очень нужен нам, людям XXI в., потому, что он актуален и отвечает на наши главные вопросы. Сегодня как никогда остро стоит вопрос о сохранении русской культуры, её духовных основ. Опустошение души и господство агрессивного секуляризма неизбежно ведут

¹⁷ Там же. С. 216.

к господству пошлости, т.е. обезличиванию народа, превращению его в механическую сумму автономных индивидов, объединенных коммерческим мотивом «борьбы за существование» и поиска благополучной жизни, в которой нет места героям суриковских полотен.

Литература

- Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2016.
- Антоний (Храповицкий), митр. Сила Православия. М.: Институт русской цивилизации. Алгоритм, 2012.
- Бакунин М. А. Бог и государство. М.: тип. Издательской комиссии Московского совета солдатских депутатов, 1917.
- Волошин М. Воспоминания о художнике // Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Искусство, 1977. С. 169–190.
- Глаголь С. Воспоминания о художнике // Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Искусство, 1977. С. 206–221.
- Модзалевский Л. Н. О Народности в воспитании по Ушинскому // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. СПб.: тип. Общественная польза, 1896. С. 151–162.
- Семина В. С., Баженова Т. П. Феномен «русского европейца» в контексте русской культуры XVIII — середины IX веков // Аналитика культурологии. 2016. № 1 (34). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/analitika-kulturologii> (дата обращения: 29.11.2020).
- Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Мосты: сборник статей к 50-летию русской революции / ред. Г. Андреев (Г. А. Хомяков) Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1967. С. 7–32.
- Ясникова Т. В. Суриков. М.: Молодая гвардия, 2018.

Vasily Surikov's Time (Reflection on the Spiritual Challenges of the Era)

Vladimir Vl. Blokhin

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History of the
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
109377, Moscow, Zelenodolskaya st. 12, apt. 84.
Istory1@rambler.ru

For citation: *Blokhin, Vladimir Vl.* “Vasily Surikov's Time (Reflection on the Spiritual Challenges of the Era)”. *Church Art and Archeology Review*, № 3 (4), 2020, pp. 000 (in Russian). DOI:

Abstract. The article examines an ideological and cultural context of V. I. Surikov's work. His artistic activity fell on a period of religious crisis manifested most fully in the minds of the Russian intellectuals in the second half of XIX century. The article shows that ideological leaders of the post-reform intelligentsia (A. I. Herzen, M. Bakunin, L. N. Tolstoy) actively formed an environment fighting against God. Vasily Surikov's work, on the contrary, was initially filled with a deep Christian meaning, nourished by the traditional atmosphere of his life and work. Orthodoxy became an organic feature of his life. In contrast to the popular ideas of the time and its typical view of the people, Surikov deeply and vitally expressed an element of people's life. Reflecting on

the artist's heritage, it is clear to see three main basic themes of his work that manifest his spiritual and aesthetic concepts. There are *Orthodoxy, nationality, historicism*.

Keywords: Orthodoxy, religious crisis, theomachy, people, populism, historicism, intelligentsia.

References

- Aksakov I. S. (2016) *Nashe znamya — russkaya narodnost'* [*Our Banner — Russian Nationality*]. Moscow: Institut russkoj civilizacii (in Russian).
- Frank S. L. (1967) “Religiozno-istoricheskij smysl russkoj revolyucii” [“Religious and Historical Meaning of the Russian Revolution”], in *Mosty: sbornik statej k 50-letiyu russkoj revolyucii* [*Bridges: A Collection of Articles Dedicated to the 50th Anniversary of the Russian Revolution*]. Myunhen: Tovarishchestvo zarubezhnyh pisatelej, pp. 7–32 (in Russian).
- Glagol' S. (1977) “Vospominaniya o hudozhnike” [“Memories of the Artist”], in *Vasilij Ivanovich Surikov. Pis'ma. Vospominaniya o hudozhnike* [*Vasily Ivanovich Surikov. Letters. Memories of the Artist*]. Leningrad: Iskusstvo, pp. 206–221 (in Russian).
- Hrapovickij A. (2012) *Sila Pravoslaviya* [*The Power of Orthodoxy*]. Moscow: Institut russkoj civilizacii; Algoritm (in Russian).
- Semina V. S., Bazhenova T. P. (2016) “Fenomen ‘russkogo evropejca’ v kontekste russkoj kul'tury XVIII — serediny XIX vekov” [“The Phenomenon of the ‘Russian European’ in the Context of Russian Culture of the XVIII — mid XIX centuries”]. *Analitika kul'turologii*, no. 1 (34), available at: www.cyberleninka.ru/journal/n/analitika-kulturologii (29.11.2020) (in Russian).
- Voloshin M. (1977) “Vospominaniya o hudozhnike” [“Memories of the Artist”], in *Vasilij Ivanovich Surikov. Pis'ma. Vospominaniya o hudozhnike* [*Vasily Ivanovich Surikov. Letters. Memories of the Artist*]. Leningrad: Iskusstvo, pp. 169–190 (in Russian).
- Yasnikova T. V. (2018) *Surikov*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).